

УДК 94(47)“1941/1945”

Н. А. Гаража

«Свобода» восточных рабочих: пропагандистский образ и исторические реалии. 1941—1945 гг.

В статье рассмотрены персональные характеристики и размышления восточных рабочих относительно своего статуса в качестве свободного или рабского. Вызвано это было в целом исключительностью ситуации для советских граждан оказаться на территории военного противника и работать на его экономику. Результаты исследования показали, что рефлексия по поводу анализа своего нового положения была характерна для восточных рабочих независимо от их половозрастных или социальных характеристик, занимала ключевое место в разговорах и текстах (письмах, дневниках) наравне с обсуждением бытовых тягот. При этом продумывание и прочувствование остарбайтерами кардинальных перемен в жизни оказывало на них разнообразное влияние: от глубоко депрессивного с предчувствием смерти до желания сопротивления и осуществления его.

В связи с этим считаем оправданным внимание к идеологическому обоснованию феномена свободы лидерами нацистской Германии, для которых «новое сознание свободы» означало жажду «нового господства» и завоевание жизненного пространства. На уровне официальной пропагандистской практики ими активно постулировались идеи «освобождения» советских граждан, предоставления им всех необходимых условий для труда, отдыха, творческого и профессионального развития. В повседневном бытовом взаимодействии восточных рабочих и немцев, которое и определяло качество их жизни в Германии, акты насилия и агрессии нивелировали любые агитационные мероприятия или слова. Население Германии в основном было убеждено в справедливости подневольного характера трудоустройства советских граждан, естественным образом пополняя свой лексикон понятием «хозяин». И это также вызывало целую гамму эмоций со стороны остарбайтеров.

При всех испытаниях, перенесенных советскими гражданами на работах в Германии, они смогли сохранить веру в себя, в человека и человечность, приобрели жизненный опыт, позволивший впоследствии всегда сохранять стойкость и силу духа, концентрацию на положительных эмоциях и получении радости от мини-событий.

Ключевые слова: восточные рабочие, остарбайтеры, свобода, Третий рейх, национал-социализм, пропаганда, Великая Отечественная война.

В период Великой Отечественной войны порядка 5 миллионов советских граждан было вывезено в Третий рейх с целью трудоустройства. Причин тому достаточное количество: в первую очередь — возмещение недостающих рабочих рук в экономике государства, ведущего военные действия; извлечение максимальной прибыли государством и частным капиталом за счет рабского труда населения оккупированных Германией территорий; а также решение задачи тотальной «зачистки» ресурсной базы СССР и уничтожения «лишних» людей работой.

Помимо гражданских лиц, угоняемых в Германию на работы, активно эксплуатировался труд советских военнопленных (вопрос о численности дискутируется до настоящего времени: от 3,9 млн. человек (Нюрнбергский процесс) до 5,7 млн. человек (А. Даллин) и т.д.). Мы можем говорить о миллионах советских граждан, различавшихся по своим социально-демографическим, аксиологическим, психоэмоциональным и иным характеристикам, обретшим схожий страшный опыт рабского труда.

В анализе разнообразных ситуаций вывоза советских граждан в Третий рейх (насильственные или добровольные), специфики дальнейшего их трудоустройства, обращения с ними, организации быта и досуга, к сожалению, одно из последних мест занимает изучение самочувствия восточных рабочих в неадекватных условиях пленения и рабского труда, их отношения к тем условиям, в которых они оказались.

© Гаража Н. А., 2016

Примечательно, что в письмах, дневниках и воспоминаниях остарбайтеров на одно из ключевых мест выходит рефлексия относительно своего статуса. В каждом смысловом отрезке своих личных текстов или устных рассказов бывшие подневольные работники стремились понять, принять или опровергнуть свое состояние неволи в Германии. Достаточно неожиданными для нас стали рассуждения простых, часто малограмотных или же слишком юных наших граждан не о материальном, не о пище, одежде или постели, а о свободе как высшей ценности человеческой личности и самосохранении ее вопреки испытаниям.

В целом события Великой Отечественной войны и перипетии судеб советских граждан, оказавшихся на территории военного противника и принуждаемых к работе на него, вывели восприятие феномена свободы на новый уровень, подтверждая и развивая, таким образом, факт, что с древних времен человек оставался исключительно важным элементом «добычи» в результате завоевательных войн [19, с. 69].

Понятие свободы было одним из важнейших и для идеологов Третьего рейха. В его трактовке можно выделить несколько оттенков, в которых мистическое наполнение национал-социалистической идеологии переплетено с рациональными программными установками лидеров государства. Во-первых, подчеркивалось, что истинная органичная свобода возможна только у основной расы, которая определяет ощущение жизни, государственный стиль, искусство и культуру. Таким образом, свобода элитарна изначально и в руках одной расы находится формирование ее смыслового наполнения и определение пределов. А. Розенберг¹ апеллирует к важности освобождения «не от, а для чего-либо» [26, с. 384—385], т.е. свобода как одновременно образ, символ, характер и направление движения к цели, а не простая данность даже для избранной расы. Ключевой целью выступает завоевание достаточного жизненного пространства: «...эта истинная созидательная идея свободы может полностью расцвести в народной цельности только тогда, когда народ будет иметь воздух для дыхания и землю для обработки» [26, с. 388].

В любом случае свобода в нацистской Германии приобрела откровенно деятельностную характеристику. И действие ее должно было быть направлено на изменение действительности согласно национал-социалистической программе. Квинтэссенцию трансляции понимания свободы в движении Третьего рейха на Восток находим в Секретном меморандуме М. Бормана²: «...Все необходимые меры — расстрелы, выселения и т.д. — мы проведем несмотря ни на что. ...Мы должны действовать так, как будто осуществляем некий мандат. Однако для нас самих должно быть ясно, что из этих областей мы никогда не уйдем. ...Подчеркивать, что мы несем свободу» [29].

Эта установка была перенесена на весь пропагандистский нарратив Германии на оккупированной территории Советского Союза, на любое взаимодействие с гражданами государства, преобразуясь в следующие клише: «Победоносная германская армия освободила вас от тяжелого коммунистического ига» [9, л. 13], «Мы подчеркиваем, что мы приносим свободу» [10, л. 1], «большевики превратили советских граждан в бессловесных рабов... они вытравили у людей волю, инициативу, чувство собственного достоинства» [13, л. 119 об.], «свободно и непринужденно живется в содружестве (о трудовом

¹ Розенберг Альфред Эрнст (1893—1946) — немецкий государственный и политический деятель, один из наиболее влиятельных членов и идеолог Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

² Борман Мартин (1900—1945) — государственный и политический деятель Германии, начальник Штаба заместителя фюрера (с 3 июля 1933 г.), начальник Партийной канцелярии НСДАП (с мая 1941 года), «личный секретарь фюрера» (с 12 апреля 1942 г.), Рейхсляйтер (2 июня 1933 г.), рейхсминистр без портфеля, обергруппенфюрер СА, почетный обергруппенфюрер СС, последний лидер НСДАП (30 апреля — 2 мая 1945 г.).

лагере для восточных рабочих). Тесная дружба связывает людей на всю жизнь и навсегда сохраняется в памяти» [27, л. 464] и т.д.

Нацистская пропаганда констатировала следующую «реальность» для граждан оккупированных советских территорий: Германия, ее армия, ее экономика, ее система ценностей нацелены на решение задачи освобождения и спасения Европы от большевизма. Так как именно «большевизм украл у человека на востоке его душу и подчинил его дух и волю одному — уничтожению европейской культуры» [12, л. 10].

И если в пропагандистской радиопередаче в оккупированном Крыму, например, говорилось: «...Миллионы советских юношей и девушек уже освобождены германской армией от сталинского ига. Многие из них работают на заводах в Германии, другие на Украине, в Белоруссии, Крыму, Пскове. В них завтрашний день всего нашего народа. Они свободны от повязки, которой большевики завязывают глаза их ровесникам, находящимся на советской земле...» [13, л. 76], то в жизни полицейай, военнотружаший либо гражданское лицо могли сказать: «...мы вас здесь в Германии научим, как свободу любить» [8, л. 31], «русские свиньи» [11, л. 415]. И на деле подтвердить это отношение, как, например, свидетельствовал немецкий полицейский: «...эта банда была в крайней нужде и изголодавшаяся. ...Вот это так была взбешенная дичь. ...Вечером их сгоняли и били опять... Хуже всех азиаты. Это действительно народ преступников» [28, л. 46].

В качестве причины ожесточения, нечеловеческого обращения с советским населением в пропагандистских проспектах присутствует логичный для завоевателя аргумент: «Иначе не справились бы со своим противником» [12, л. 10; 18]. Далее следует убеждение, что именно отягчение военных действий неблагоприятными природными условиями и проникновением большевизма в умы подавляющего большинства населения вызывало реакцию тотального насилия: «Ежедневно можно найти примеры того, как безобидный рабочий превращается в партизана и как наивная девушка оказывается опасной шпионкой» [12, л. 10]. Таким образом, нацистская пропаганда преподносила советским гражданам заранее подготовленную проблему их жизни и предлагала ее решение. При этом варианта выбора своего альтернативного решения не подразумевалось.

Среди самих восточных рабочих наиболее распространенным было понимание своего состояния свободного человека как утраченной счастливой жизни, тесно связанной с родиной и осознаваемой на дистанции от нее. В письме от 2 февраля 1945 года репатрируемые восточные рабочие писали: «...Находясь вдали от Родины, нас никогда не покидала мысль о свободной, счастливой жизни в нашей Великой Стране Советов...» [25]. Учитываем определенную политизированность и ангажированность письма. Но не можем отрицать, что для большинства наших граждан, переживших суровые годы войны, плена и насильственного трудоустройства в Германии, а также сложности репатриации и недружелюбия уже дома со стороны и властей и сограждан, родина была выше испытаний судьбы, выше политических режимов и бытовых притеснений. Как верно сказал Н. А. Бердяев, «социалистическое Отечество есть все та же Россия» [4, с. 372].

Некоторые восточные рабочие предавались рефлексии о предыдущем опыте свободной/несвободной жизни до войны или до угона в Германию [3, с. 101, 165; 31, с. 200—201]. Но в любом случае для большинства оstarбайтеров и советских военнопленных ощущение свободы вопреки насилию, оскорблениям и непосильному труду выступало основным ориентиром выживания. И именно в Германии, за колючей проволокой, приходило осознание ее ценности в малом: «и дышится легко, и голода не чувствую, и все кругом красивей», — говорили в те редкие минуты, когда рядом не было охраны. Ведь вся жизнь восточных рабочих в Германии проходила либо под надзором, либо за заперами и колючей проволокой: „Immer schei, immer mit Polizei“ («Никогда просто так, всегда

с полицией» — одна из главных запомнившихся на немецком языке фраз для восточной работницы А. И. Михалевой) [20, с. 58, 68—71, 76—77].

Особый уровень восприятия свободы в условиях ее антигуманного ограничения для советских людей на работах в Германии — это понимание человека, осознающего свою обреченность, делящего мученический этап своей жизни на определенные отрезки, сравнивая их и находя закономерности регресса. Это понимание свободы частное, детерминированное конкретной ситуацией и личностным своеобразием ее переживания. Так, для З. Градовского свобода — это пребывание в семейном лагере в Аушвице, а утрата ее — перевод и ужесточение лагерного режима в Освенциме: «И теперь все эти люди — когда-то на свободе юные, энергичные и готовые к борьбе — сидели в оцепенении, в отчаянии, раздавленные и разбитые» [16, с. 103, 153]. Схожее относительное и узкое определение состояния свободы/несвободы находим в опросном листе репатрируемой М. А. Кулик: «...везли в товарных вагонах и на свободу не выпускали, так как мы были арестованы» [5, л. 6]. В этом случае свобода — это всего лишь возможность вырваться из тесного вагона для глотка свежего воздуха, а не постоянное и собственное волеизъявление.

Характеристика своего положения как рабского или арестантского в целом характерна для воспоминаний подавляющего большинства восточных рабочих.

Таким образом, понимание остарбайтерами свободы в сравнении нынешнего положения с утраченным наиболее распространено и выступает неотъемлемой частью индивидуальной и коллективной памяти о пережитом. Советские люди в Германии сразу же ощутили свой переход в состояние несвободы и унижения, совершенно отчетливо почувствовали, что стали рабами, более того, рабами врага. Момент своего перехода в рабство подчеркивают словами «купить», «хозяин» [24, с. 80], неприятием унижительного ярлыка со знаком ОСТ [32, с. 83].

Кроме как «хозяин» и «хозяйка» работодателей восточные рабочие не называли. Интересна реплика в письме Аметовой Азие от дочерей Милы и Марии в Крым о том, что хозяин их повторяет «мы — великие хозяева», вызывая смех девушек [15, л. 23]. Это ироничное отношение к хозяевам было характерно при близком взаимодействии в фермерском хозяйстве или личном услужении. Совместное выполнение ежедневной рутинной домашней работы, совместный прием пищи, решение каких-либо бытовых проблем сплачивало людей, делало их, с одной стороны, крайне восприимчивыми к эмоциям и действиям друг друга, с другой — более терпимыми.

Однозначно негативным было отношение к нашивке знака ОСТ: ее стыдились, ее боялись, она унижала, воспринималась как клеймо, как постоянное символическое напоминание о подневольном положении. Ее иногда даже сравнивали с еврейской звездой [14, л. 1]. Но в любом случае стремились избавиться, избегали даже фотографироваться с ней. Сами немцы постоянно подчеркивали унижительное значение знака, распространяя на бытовом уровне его нелепые, оскорбительные расшифровки: «осел советской территории», «остерегайтесь советской твари» и т.д. [2, с. 210].

Одним из знаковых элементов, утверждающих это новое положение наших граждан на территории рейха, была биржа — распределитель на работы, устроенная как восточный невольничий рынок, где рабов ощупывали, считали зубы, а главное — торговались о цене.

Условия последующей работы и содержания, отношение со стороны немецкого населения имели тот же характер насилия и неволи — «будучи там на работе нас использовали как каторжников, работали мы там по 12—14 часов» [7, л. 117], «на протяжении нашего пребывания в Германии мы были лишены своего имени и фамилии. Мы знаем друг друга по номерам», — вспоминали впоследствии бывшие остарбайтеры [1, с. 248].

Дополнительными символами насильственного удержания советских людей в рейхе выступали жесткие правила охраны рабочих, включая колючую проволоку вокруг лагерей и ограничения режима передвижения. Иногда это были показательно-унизительные акты, не имеющие никакого отношения к безопасности или охране. Е. Ф. Грищенко вспоминал, что и «на работу и с работы ходили окруженными вокруг колонны стальными тросами» [7, л. 38].

С 09.04.1942 г. эти меры были несколько смягчены: разрешено было выходить за пределы лагеря под охраной, колючая проволока присутствовала не повсеместно [11, л. 409]. Это «благоприятствование» имело только экономические резоны, не более. Руководство и служащие лагерей помимо использования на основных работах старались продавать советских граждан в выходной или дополнительную смену. Последние соглашались, так как эти подработки были в основном у вблизи живущих фермеров и обещали возможность дополнительного пайка.

Убедительным аргументом в пользу признания отношения к советским гражданам, вывозимым в Германию на работы, как к рабам, как к субъектам, лишенным естественных прав и свобод, выступают документированные факты подобного к ним отношения со стороны германских властей и гражданского населения, а также схожесть первоначальной их экспрессии о переживаемом и более поздних воспоминаний.

Не противоречила распространенному самими остарбайтерами определению своего положения в Германии как рабского позиция советских властей. Так, еще в ходе войны в советских брошюрах — аналитических публикациях отзывов советских граждан о работе в Германии — наиболее частыми были следующие: «человек стал безымянным рабом», «советских жителей, вывезенных в Германию, немецкие рабовладельцы третируют и мучают с каким-то особым злорадством» [17, с. 9, 26]. В этих фразах не пропаганда, в них сломанные судьбы и жизни людей, в них опыт, который никто не хотел бы испытать, — опыт рабства с непосильной, часто бесполезной работой, с откровенным глумлением и издевательством над человеческим достоинством. Советское правительство подчеркивало факт массового насильственного угона советских граждан с оккупированной советской территории в Германию, ограничение их свободы при трудоустройстве и содержании там как на протяжении войны, так и после нее, не принимая в этом убеждении никаких корректировок. Так, при репатриации остарбайтеров в СССР в опросных листах присутствовали следующие вопросы: «5. Где и кем работала до угона в Германскую неволю; 6. Когда была угнана» [6, л. 6].

Сомнения в том, что положение советских граждан в Германии может характеризоваться иначе, чем рабство, не было и у военнослужащих Красной Армии. «Встречался с хлопцами-девушками, ранее угнанными на каторжные работы в 3-ю империю. Их хозяева поспешно удрали, оставив все, девчата, хлопцы, радостно встречая нас, заводят в хаты, угощают изобилием продуктов и сами вместе с нами за многие годы досыта кушают. Хозяева их кормили очень гадко» [22], — писал один из военнослужащих своей семье после встречи с освобожденными согражданами в Германии.

Статус свободного человека может и должен характеризоваться отсутствием не только внешнего принуждения, но и внутреннего. Точнее, возможность быть единственным распорядителем своей жизни должна быть детерминирована силой и твердостью воли, быть нравственно обусловленной и сопровождаться свободой выбора жизненной позиции и принципов. В. Франкл, сам испытавший все тяготы лагерной жизни и насильственного труда, писал, что хотя лагерная действительность отбрасывает заключенных назад, к примитивности не только внешней, но и внутренней жизни, все же пусть изредка, пусть у немногих, но развивается стремление уйти в себя, создать какой-то свой внутренний

мир. Таких людей он называет «чувствительными», которые с юных лет привыкли к преобладанию духовных интересов и теперь, хотя и с трудом переносят лагерную жизнь, но способны вернуться из ужасной реальности в мир духовной свободы и внутреннего богатства. А освобождение, по В. Франклу, наступает через любовь и в любви, в способности «последним взлетом чувства собственного достоинства противопоставить себя действительности». Пусть не много, но были люди, которые делились последними крохами хлеба, говорили ближним добрые слова сочувствия и поддержки. Именно их пример подтверждает, что в концлагере у человека можно отнять все, кроме последнего — человеческой свободы. Именно от человека зависел выбор: стать сильнее обстоятельств или сломаться, сохранить внутреннюю свободу или раствориться в массе [30, с. 76—79, 99—106, 128—132].

Это доказывает, что свобода и несвобода выступают контрарными противоположностями. То есть не верно, что, когда нет свободы, человек несвободен. Именно богатство внутреннего духовного мира человека, его стойкость и воля являются главными маркерами его статуса. И это внутреннее ощущение и понимание себя свободным побуждало к бесстрашному сопротивлению врагу даже в столь жестких условиях неволи и рабского труда. Оно выражалось в различных формах: от индивидуального отказа работать [23, с. 33] до организованного саботажа и актов вредительства на рабочем месте.

Неожиданное проявление борьбы за утверждение себя, за возможность сохранить в себе человеческие чувства посредством своеобразного протеста описывает А. Михалева, которая упоминает в своем дневнике понятие «свобода» практически в каждой записи. Восточные работницы из ее барака на насмешки немцев по любому поводу отвечали не ставшим привычным уже безразличием, а «нехорошим, обращающим на себя внимание поведением. Например, ругаются или даже часто дерутся молодые девушки между собой в столовой, выказывают себя без стеснения некультурными, невоспитанными» [20, с. 51]. Неадекватность вышеописанной ситуации — это протестное поведение, но не ставящее целью прямое освобождение или осмысленное сопротивление. Это скорее эмоционально окрашенный, иррациональный, но символ осознания диссонанса своего предшествующего опыта и нынешнего положения.

События жизни остарбайтеров создали людям необходимость в течение длительного времени жить не только в непривычных условиях, но и часто с утратой индивидуального пространства или, наоборот, испытывать одиночество, находясь в постоянном окружении людей. «Некому слова сказать или совет попросить» [14, л. 36] — достаточно распространенная жалоба в письмах и дневниках остарбайтеров. Оттого часты их размышления о смерти. Некоторые постоянно находили в себе признаки ее приближения («...Еще вчера, когда принес картошку, я уже не чувствовал ни рук, ни ног, наступал период смерти» [21, с. 216]), другие, несмотря ни на что, радовались каждому прожитому мгновению и старались сделать его более насыщенным, были те, кто в порыве отчаяния желал смерти. Но каждый хранил до последнего в душе мечту об освобождении, возвращении на Родину, к своей довоенной жизни, пусть и видимой на расстоянии в более мягких и романтических красках.

Рассуждая о своей ситуации, остарбайтеры поднимали вопросы о продолжительности и влиянии перемен в их жизни на дальнейшую судьбу, о том, что для них счастье и возможно ли оно: «Кто представляет себе, что такое фашистский концлагерь, тот не осудит нас за почти суеверные представления о «счастливой» и «несчастливой» судьбе. Ведь наша жизнь зависела от массы случайностей, произвола палачей. Мерилом счастья было только одно — не попасть в печи крематория или под нож врачей ревира. Мне не повезло. Подруги искренне сочувствовали, называя меня несчастной» (К. Жолобова); «В конце ав-

густа к нам пришел староста и сказал моей матери: “Твоей дочери выпало счастье ехать в Германию...”. Заголосила мать от такого “счастья”» (А. Рипинская)¹ [23, с. 110, 168].

В целом перед нами предстает картина, когда люди, принадлежащие к разным возрастным, этническим и социальным группам, волею судеб оказавшиеся в Германии, оторванные от своего дома и сложившегося уклада жизни, не просто принимали новую жизненную ситуацию, смирялись или пытались в ней адаптироваться, но осмысливали себя в ней. Рефлексия на уровне глубокого психологизма — осознанного или нет — характерна для многих бывших остарбайтеров. И проблема свободы/несвободы занимала в ней одно из первых мест, возможно, в силу основной детерминанты всей событийности пребывания советских граждан на работах в Германии.

Список использованных источников и литературы

1. Анатолий Пилипенко, остарбайтер // «Нам запретили белый свет...»: альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян, Н. Поболь. М. : РОССПЭН, 2006. 416 с.
2. Баранов В. Дневник остарбайтера (нач. сент. 1943 — 21.01.1944 гг.) // «Нам запретили белый свет...»: альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян, Н. Поболь. М. : РОССПЭН, 2006. 416 с.
3. Беглецы из плена: Воспоминания танкиста и морского артиллериста / В. С. Тутов, А. С. Малофеев. М. : РОССПЭН, 2010. 304 с.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : ЗАО «Сварог и К», 1997. 415 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 83. Д. 285.
6. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 97. Д. 7.
7. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 102. Д. 2а.
8. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 105. Д. 27.
9. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 65.
10. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 226.
11. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256.
12. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26.
13. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27.
14. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 30.
15. ГАРК. Р-4602. Оп. 1. Д. 1.
16. Градовский З. В сердце вине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М. : ГАММА-ПРЕСС, 2010. 224 с.
17. Лебедев Вл. Смерть немецким рабовладельцам! М. : Госполитиздат, 1942. 30 с.
18. Лохова Т. В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в условиях временной нацистской оккупации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 36—43.
19. Малышева Е. М. Мировые войны и локальные военные конфликты в истории: последствия, уроки // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 1. С. 69—78.
20. Михалева А. И. Где вы, мои родные?.. Дневник остарбайтера. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 477 с.
21. «Нам запретили белый свет...»: альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян, Н. Поболь. М. : РОССПЭН, 2006. 416 с.
22. Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. НМ 1288/15 03.04.1945 г. Письма с фронта Н. Аткарского жене Р. И. Рубинштейн и сыну Борису.
23. Они победили смерть. М. : Изд-во полит. литературы, 1966. 542 с.
24. Островская И. С., Щербакова И. Л. Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших остарбайтеров // Устная история (oral history): теория и практика : материалы Всерос. науч. семинара. Барнаул : БГПУ, 2007. С. 75—83.
25. Письмо репатрируемых советских граждан И. Сталину // Война: 1941—1945. М. : Архив Президента РФ, 2010. С. 374—375.

¹ Значительная часть узниц лагеря Равенсбрюк была представлена советскими женщинами и девушками, насильственно вывезенными в Германию и отказавшимися работать на производстве или в сельском хозяйстве.

26. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Tallinn : Shildex, 1998. 514 с.
27. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1370. Оп. 1. Д. 42.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 94.
29. Секретный меморандум Бормана. Ставка фюрера 16.7.1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ndkt.org/memorandum-bormana.html>
30. Франкл В. Сказать жизни «Да»!: психолог в концлагере. М. : Альпина нон-фикшн, 2009. 239 с.
31. Чиров Д. Среди без вести пропавших: Воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941—1945 гг. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.
32. Шпигель-Антонович А. В. Мой номер I/46781. М. : Русский импульс, 2010. 240 с.

Поступила в редакцию 07.09.2015 г.

Гаража Наталия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент
Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Российская Федерация, 353907, г. Новороссийск, ул. Видова, 56
E-mail: ngarazha@yandex.ru

UDC 94(47)“1941/1945”

N. A. Garazha

**“Freedom” of Eastern workers: the image of propaganda and historical realities.
1941—1945**

The article describes personal characteristics of Eastern workers their status as free or slave. That was due to exceptional circumstances for Soviet citizens to be on the territory of the military enemy and work on its economy. The results showed that the reflection on the analysis of one’s own new position was typical of Eastern workers, regardless of their age and gender, or social characteristics, occupies a key place in the conversations and texts (letters, diaries) on a par with the discussion of domestic burdens. At the same time thinking over such radical changes in life affected the laborers differently, from deep depression with the presentiment of death to the desires of resistance and its implementation.

In this regard, we consider it reasonable to pay attention to the ideological justification of the phenomenon of freedom by the leaders of Nazi Germany, for whom the «new consciousness of freedom» meant thirst for «new domination» and the conquest of living space. At the level of the official propaganda practice they postulated the idea of «liberation» of Soviet citizens, providing them with all necessary conditions for work, recreation, creative and professional development. In everyday interaction of Eastern workers and Germans, which determined the quality of life in Germany, acts of violence and aggression leveled any campaign events or words. The population of Germany was largely convinced of the validity of using labor forced nature of Soviet citizens, naturally adding to their vocabulary the term «owner». And it also caused the whole range of emotions from ostarbeiters (Eastern workers).

Regarding all the trials experienced by Eastern workers, they were able to keep faith in themselves, in a human and humanity, to gain life experience, save their moral courage, concentrate on positive emotions and derive joy from mini-events.

Key words: Eastern workers, Ostarbaiter, freedom, the Third Reich, propaganda, National Socialism, the Great Patriotic War.

Garazha Nataliya Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Novorossiysk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Russian Federation, 353907, Novorossiysk, ul. Vidova, 56
E-mail: ngarazha@yandex.ru

References

1. Anatolii Pilipenko, ostarbaiter [Anatoliy Pylypenko, Ostarbeiter]. *“Nam zapretili belyi svet...”: Al'manakh dnevnikov i vospominanii voennykh i poslevoennykh let / sost P. Polyan, N. Pobol' [“We were banned from the world ...”: Almanac of diaries and memoirs of the war and postwar years, comp. by P. Polyan, N. Pobol].* Moscow, 2006. 416 p. (In Russian).
2. Baranov V. Dnevnik ostarbaitera (nach. sent. 1943 — 21.01.1944 gg.) [Diary ostarbeiters (beg. Sep. 1943 — 01.21.1944)]. *“Nam zapretili belyi svet...”: Al'manakh dnevnikov i vospominanii voennykh i poslevoennykh let / sost P. Polyan, N. Pobol' [“We were banned from the world ...”: Almanac of diaries and memoirs of the war and postwar years, comp. by P. Polyan, N. Pobol].* Moscow, 2006. 416 p. (In Russian).
3. *Begletsy iz plena: Vospominaniya tankista i morskogo artillerista* [Fugitives from the captivity: Memories of a tanker and a marine artillerist], by V. S. Tutov, A. S. Malofeev. Moscow, 2010. 304 p. (In Russian).
4. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin and meaning of Russian communism]. Moscow, 1997. 415 p. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoi Federatsii* (GARF) [The State Archive of the Russian Federation]. F. 7021. Op. 83. D. 285.
6. GARF. F. R-7021. Op. 97. D. 7.
7. GARF. F. R-7021. Op. 102. D. 2a.
8. GARF. F. R-7021. Op. 105. D. 27.
9. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 65.
10. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 226.
11. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 256.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym* (GARK) [State Archives of the Republic of Crimea]. F. P-156. Op. 1. D. 26.
13. GARK. F. P-156. Op. 1. D. 27.
14. GARK. F. P-156. Op. 1. D. 30.
15. GARK. F. R-4602. Op. 1. D. 1.
16. Gradovskiy Z. *V serdtsevine ada. Zapiski, naidennyye v peple vozle pechei Osventsima* [At the heart of hell. Notes found in the ashes near the ovens of Auschwitz]. Moscow, 2010. 224 p. (In Russian).
17. Lebedev VI. *Smert' nemetskim rabovladel'tsam!* [Death to the German slave owners!]. Moscow, 1942. 30 p. (In Russian).
18. Lokhova T. V. Sel'skoe khozyaistvo Krasnodarskogo kraya i Adygeiskoi avtonomnoi oblasti v usloviyakh vremennoi natsistskoi okkupatsii [Agriculture of Krasnodar Region and Adygey Autonomous Region during Nazi occupation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki - University proceedings. Volga region. Humanities*, 2012, no. 2, pp. 36-43. (In Russian).
19. Malysheva E. M. Mirovye voiny i lokal'nye voennye konflikty v istorii: posledstviya, uroki [World wars and local armed conflicts in history, consequences, lessons]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no. 1, pp. 69-78. (In Russian).
20. Mikhaleva A. I. Gde vy, moi rodnye?.. Dnevnik ostarbaitera. [Where are you, my relatives?.. Diary of an ostarbeiter]. Moscow, 2015. 477 p. (In Russian).
21. *“Nam zapretili belyi svet...”: Al'manakh dnevnikov i vospominaniy voennykh i poslevoennykh let*, sost. P. Polyan, N. Pobol' [“We were banned from the world ...”: Almanac of diaries and memoirs of the war and postwar years, comp. by P. Polyan, N. Pobol]. Moscow, 2006. 416 p. (In Russian).
22. *Novorossiyskii Gosudarstvennyi istoricheskii muzei-zapovednik. NM 1288/15 03.04.1945 g. Pis'ma s fronta N. Atkarskogo zhene R. I. Rubinshtein i synu Borisu.* [Novorossiysk State Historical Museum. HM 1288/15 of 03.04.1945 N. Atkarsk's Letters from the Front to his wife R. I. Rubinstein and his son Boris]. (In Russian).
23. *Oni pobedili smert'* [They overcame death]. Moscow, 1966. 542 p. (In Russian).
24. Ostrovskaya I. S., Shcherbakova I. L. *Opyt prinuditel'nogo truda v ustnykh svidetel'stvakh byvshikh ostarbaiterov* [Experience of forced labor in the oral testimony of former ostarbeiters]. *Ustnaya istoriya (oral history): teoriya i praktika : materialy Vseros. nauch. seminara* [Oral history: Theory and Practice: Proc. of the All-Rus. scien. sem.]. Barnaul, 2007, pp. 75-83. (In Russian).
25. *Pismo repatriiruemyykh sovetskikh grazhdan I. Stalinu* [Letter of Soviet repatriated citizens to Stalin]. *Voyna: 1941—1945* [War: 1941—1945]. Moscow, 2010, pp. 374-375. (In Russian).
26. Rosenberg A. *Mif XX veka. Otsenka dukhovno-intellektual'noi bor'by figur nashego vremeni* [The Myth of the XX century. Evaluation of the spiritual and intellectual struggle of people of our time]. Tallinn, 1998. 514 p. (In Russian).
27. *Rossiyskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv* (RGVA) [The Russian State Military Archive]. F. 1370. Op. 1. D. 42.

28. *Rossiyskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* (RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 125. D. 94.
29. *Sekretnyi memorandum Bormana. Stavka fyurera 16.7.1941 g.* [Secret memorandum of Bormann. General Headquarters of Fuhrer 07.16.1941]. (In Russian). Available at: <http://www.ndkt.org/memorandum-bormana.html>
30. Frankl V. *Skazat' zhizni "Da"! : psikholog v kontslagere* [Say "Yes" to Life!: psychologist in a concentration camp]. Moscow, 2009. 239 p. (In Russian).
31. Chirov D. *Sred' bez vesti propavshikh: Vospominaniya sovetskogo voennoplennogo o shtalage XVII "B" Krems-Gnaixendorf: 1941—1945 gg.* [Among the missing: Memories of a Soviet prisoner of war stalag XVII "B" Krems-Gnaixendorf: 1941—1945]. Moscow, 2010. 367 p. (In Russian).
32. Shpigel'-Antonovich A. V. *Moi nomer I/46781* [My number I/46781]. Moscow, 2010, 240 p. (In Russian).